

Марина Гарсес

СЧАСТЬЕ БЫТЬ ДРУГОМ

О дружбе как о самом свободном
и самом загадочном чувстве

Москва

УДК 177.63

ББК 87.6

Г20

Marina Garcés

La pasión de los extraños. Una filosofía de la Amistad

Перевод с испанского Владислава Федюшина

Дизайн обложки Ольги Бытко

Гарсес Марина

Г20 Счастье быть другом. О дружбе как о самом свободном и самом загадочном чувстве / М. Гарсес ; [пер. с исп. В. Федюшина]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с. — (Популярная психология для бизнеса и жизни).

ISBN 978-5-389-31889-2

Фактически дружба — это единственные стабильные социальные отношения, для которых мы не изобрели никаких институтов. Мы не подписываем договоров, не регистрируемся, не клянемся в верности перед законом...

Веками — от Аристотеля и Цицерона до Монтеня и Ницше, а сегодня через сериалы, фильмы и книги — нам рассказывали об «истинной», «чистой», «настоящей» дружбе. Но что скрывается за этим идеалом? Почему друзья нам так нужны?

Книга Марины Гарсес, философа и эссеиста, — это глубокое и многогранное исследование одного из самых фундаментальных человеческих чувств. Автор доказывает: дружба — это не «терапия» и не социальный капитал, а акт свободы, форма жизни и обещание быть вместе даже на расстоянии. Возможность дружбы — это большое счастье в жизни любого человека.

УДК 177.63

ББК 87.6

ISBN 978-5-389-31889-2

© Marina Garcés, 2025.

First Edition published simultaneously
in Spanish and Catalan in Galaxia Gutenberg, Barcelona.

© Федюшин В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке,
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

ПРОЛОГ

НЕЯСНЫЕ ДРУЖБЫ

Безмятежные рассказы о дружбе вызывают у меня тревогу. Уверенность и спокойствие, с которыми многие говорят о своих друзьях, заставляют меня насторожиться, и я не знаю, что это — подозрение или зависть.

Сегодня дружбу принято представлять как пространство безопасности, повседневной близости и искреннего общения — как одну из немногих ясных и устойчивых реальностей, на которые можно опереться в мире, где все остальное сломалось. Мы говорим о друзьях как о тех, кто всегда рядом: поддерживает, заботится и идет бок о бок по жизни, где царят неопределенность и нестабильность. Мы покупаем и употребляем истории о дружбе, в которых она предстает чем-то буквальным и самоочевидным. У кого в момент жизненного кризиса не было рядом подруг? Кто не виделся с друзьями, когда у него рас-

падались отношения? У кого нет человека, которому можно во всем признаться? Но мы знаем, что под этой иллюзией гарантированного благополучия дружба остается областью отношений столь же тревожной, сколь и пугающей. Ее пронизывают желание и страх, ускользающие от всего, чему мы способны дать имя: желание быть любимыми просто так и страх, что любить нас не будут.

Я не всегда могла доверять друзьям и безопасности их общества так, как сейчас. Я не ставлю под сомнение привязанность конкретных людей — я говорю о тревоге, которую пробуждали во мне дружеские отношения, и о том, какого труда мне стоило научиться заводить друзей и по-настоящему быть рядом — вне социальных кодов с их границами, лицемерием и требованиями. Осмелюсь даже сказать: эта неуверенность присуща не только мне, хотя такое признание вызывает едва ли не больше стыда, чем отсутствие партнера или устойчивых отношений. У нас нет слов или нарративов для описания сложных историй дружбы, ее разрывов и порождаемых ими сомнений. Не так просто назвать состояние нехватки друзей. Какое слово есть у нас для человека, «холостого» в отношении друзей? Это одиночество без пафоса и без имени: оно болтается где-то между жалостью и подозрением. Но я думаю, что нас — тех молчащих, кто вырос без само собой разумеющейся всеобъемлющей дружбы и никогда не воспринимал ее как нечто очевидное, легкое и повседневное, — много. Если друж-

ба переживается как проблема, она сама становится проблемой — и делает проблемой тебя самого.

Мы привыкли считать, что пары могут распадаться, дети (если они есть) вырастут и уйдут, работу меняют и так далее, но друзья, напротив, всегда есть и всегда будут рядом. Однако, если подумать как следует, друзья и подруги — самое ненадежное, что есть в нашей жизни: нет ничего, что требовало бы их наличия. Можно прожить целую жизнь и так никогда и не завести ни одного друга. Можно ходить в школу, расти в семье, пробовать себя в разных профессиях, создать новую семью — или не создавать таковой, — иметь увлечения и интересы, заниматься спортом и путешествовать, состоять в политической группе или общественном движении, но так и не завести друзей. Общество — это ткань, составленная из множества связей и привязанностей, которые образуют необходимую сеть социального и материального воспроизводства жизни: родственники, коллеги, партнеры, товарищи, соседи... Почему и зачем же тогда нужны друзья и подруги?

Эта книга — попытка погрузиться в этот вопрос и проследить пути, которые открывают возможные ответы на него. В нашем распоряжении — психологические, антропологические и социологические объяснения феномена дружбы и ее роли в создании социальных связей, сетей доверия и собственной идентичности. Все они важны и проливают свет на тип привязанности, балансирующий между при-

вычкой и чудом, между самым обыденным и самым исключительным. Но за пределами структурных объяснений в дружбе остается нечто, чего нам не удастся обнаружить, нечто, ускользающее от письма, то есть избегающее и рассказов о дружбе, и теоретизации ее оснований. У дружбы есть негласная история: ничто из написанного о ней не исчерпывает того странного обстоятельства, что она вообще существует как род привязанности и что существует тот друг или та подруга, кто, не входя ни в какие формальные и утилитарные связи нашей жизни, делает ее иной.

Дружба одновременно так повседневна и так редка, что мы не создали для нее специальных институтов. Чтобы стать друзьями, мы не вступаем в брак, нам не нужно подписывать документы или вносить себя в реестр, составлять устав или утверждать проект. Дружеские отношения пронизаны множеством правил, обычаев, ритуалов, форм регулирования, способов выражать себя и узнавать друг друга, но по какой-то причине мы забыли или избежали превращения их в институт. Почему?

Отталкиваясь от этого вопроса, книга предлагает пройти по маргиналиям текстов о дружбе, следуя за их концептуальными линиями, но также заглядывая в их лакуны. Подобно детективному расследованию из юношеских романов, научивших групповой дружбе, ее опасностям и мечтам не одно поколение, каждая глава пойдет по следу, который откроет нам с нового ракурса нечто из того, что остается скрытым в словах, какими мы заключаем и кодифицируем смысл дружбы.

* * *

Часто лучший способ что-то спрятать — сделать это явным. Не столько табу, приводящее в действие механизмы страха и желания, сколько нормализация дискурсов (как академических, так и медийных) мешает слышать и видеть вещи иначе. Как объяснял Фуко в начале своей «Истории сексуальности», чем больше говорится о сексе и чем сильнее нормализуются нарратив и теории о множестве его проявлений, тем далее оказываемся мы от возможности превратить его в опыт освобождения. Не знаю, происходит ли нечто подобное с дружбой; подозреваю, что да, и отсюда вырастает необходимость написать эту книгу, использовать ее как инструмент для сомнения и исследования. Мы видим, как в романах, сериалах, театральных пьесах, социальных сетях и повседневных разговорах появляется все больше историй про друзей и подруг. Этот феномен очевиден среди молодых поколений, столкнувшихся с прекарностью* и кризисом традиционных моделей пары и семьи; но он имеет место и среди тех, кто, пережив развод и выйдя на пенсию, находит в дружбе точку, откуда можно заново упорядочить свои привязанности, желания, интересы и одиночество. В цикле культурных трендов все движется так быстро, что некоторые уже выражают

.....

* *Прекарность* — состояние социально-экономической уязвимости, при котором у человека нет гарантий занятости, стабильного дохода и социальной защиты. *Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. ред.*

усталость от этой темы и даже иронизируют над патологичностью этого избыточного внимания [1].

Мы живем в эпоху, когда занятое переустройство привязанностей во всех сферах жизни опасным образом сочетается со сведением дружбы к терапевтическому средству — к своего рода спасательному кругу для осиротевшей жизни, убежищу для жизни в опасности. Мы годами кружились вокруг любви, парных и сексуальных отношений, и вот сегодня дружба появляется в медиа, в психологических рубриках газет, на сайтах по самопомощи, а также в академических исследованиях — как волшебное средство, способное исцелить недуги того безвременного века, в котором мы живем: одиночество и душевное неблагополучие. Корреляция между наличием дружеских сетей и улучшением психического и даже физического здоровья доказана. Подтверждена и роль дружбы в том, чтобы справляться с постоянными переездами и сменами работы, поскольку друзья и подруги становятся связями и точками опоры для новых возможностей, единственной непрерывной нитью в постоянно прерываемой жизни. От чего же дружба должна нас исцелить?

Существует много типов привязанности и форм близости. По-видимому, дружбу от всех них отличает элемент истины. Как утверждает вся философская традиция от Древней Греции до наших дней, дружба — одна из немногих подлинных составляющих жизни, то есть одна из тех вещей, которые имеют ценность сами по себе. Друзья существуют не как

средство для достижения цели, а как те уникальные существа, кого мы любим ради них самих. Они не служат продуктивной или репродуктивной цели, которая оправдывала бы их существование. Это ядро истины в дружбе, кажется, одной из последних всеобщих истин, сохраняющихся сегодня в публичной сфере фейковых сущностей. Мы все вместе подпитываем симулякр счастья, пожирающий наше время и желание в социальных сетях. Симулякр не обман, а творение, которое мы сообща должны поддерживать, чтобы терпеть самих себя. Он питается постоянной демонстрацией наших жизненных перемен, проектов, любовных или сексуальных отношений, питомцев, нарядов или бьюти-процедур, путешествий, занятий спортом или диет. Никто не должен верить в симулякр — важен лишь его успокоительный эффект. Дружеские отношения, напротив, предлагают нам островок подлинности, подтекст, чтобы пиксели иллюзии не поглотили нас окончательно. Та терапевтическая дружба, что преобладает в современных нарративах, наполовину солюционистская, наполовину магическая. Она стремится быть действенным и неоспоримым средством от таких ситуаций, как прекарность или одиночество, — от ситуаций, у которых множество причин.

Вопреки этому (зачастую обманчивому) ожиданию я полагаю, что сила дружбы в том, что она не средство, а проблема. И таковой дружба была всегда. Можно сказать, что на основе этой связи мы можем проблематизировать то, чем являемся и чего не могли выбирать: унаследованное родство, социальное положение,

предписанные пол и сексуальность, а также профессиональный статус или идеологии, формирующие наши культурные контексты. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», — гласит пословица. Именно в этой возможности идти рядом с теми, с кем «не положено», заключается риск и потенциал дружбы. Именно эта возможность, когда она не реализуется, делает приговор еще более суровым — осуждение быть только тем, кем ты уже должен быть. Так дружба дает имя сети амбивалентных социальных отношений. С одной стороны, дружеские связи — действенный инструмент нормализующей социализации, навязывающий свои гендерные и классовые правила, а также политические и моральные установки тем, кого можно назвать друзьями. С другой — в фигуре друга мы находим и возможность поставить под вопрос, поддержать или исказить те самые установленные коды и роли. Неясно, где заканчивается одно и где начинается другое.

* * *

Пересмотрев этапы своих отношений с дружбой, ту смесь тревоги и любопытства, которая сегодня, после полувека жизни, побуждает меня писать эту книгу, я выделила бы четыре фазы, между которыми не могу провести четких границ.

Бессознательное друзей — так я назвала бы тот этап детства, когда друзей не заводят — они просто есть. Они появляются в школе, в местах летнего отдыха, на площадях и игровых пространствах, на семейных

встречах... Они часть множества других компаний, человеческих и нечеловеческих, наряду с игрушками, домашними животными, родственниками, учителями или воспитателями. Кроме того, в среде, где я росла, в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия, мы, мальчики и девочки, снова могли играть и учиться вместе, и эта вновь обретенная близость переживалась радостно и естественно. В это время — между сексуализацией тел, навязываемой католической моралью, и той, которую вскоре навяжет неолиберальный рынок, — некоторые из нас смогли насладиться неопределенностью внешнего вида, привязанностей и поведения; в памяти осталась коллекция фотографий, где в сбившихся в кучу ватагах всегда можно обнаружить девочку с мальчишеской внешностью, растрепанными кудрявыми волосами и в вельветовых брюках клеш.

Этот этап резко завершился и сменился *отсутствием друзей*. Типично подростковое одиночество, усиливаемое долгоиграющими стыдом и чувством вины за развал семьи, лишило меня возможности какой-либо близости и интимности. Тогда я поняла, как социальная жизнь, если ею правильно распорядиться, позволяет скрывать эту пустоту. Я не осмеливалась показывать свое одиночество. Скрывать его, чтобы оно ни у кого не вызывало тревоги, помогали образование и культура. Я научилась не превращать одиночество во что-то докучливое. Что не движется, то учится наблюдать — прочла я недавно о растительном мире. У неподвижного существования, в том числе в поле привязанностей, может иметься и другое

следствие — обостряющая внимание диссоциация. Я научилась смотреть по-другому. Кто есть ближний и кто дальний? Что делает человека товарищем, что превращает чуждое в знакомое?

Эти вопросы не исчерпали себя, когда новый биографический поворот закрыл этот этап, связанный с замаскированным одиночеством, и в университетские годы в моей жизни наступил период *изобилия друзей*. Изобилие — именно то самое слово: накопление без какого-либо разбора, заполненный яствами праздничный стол, богатство плодородной земли, торжество открытости и общения. Капитализм превращает изобилие в жажду накопления. В случае дружбы — накопления социального капитала. Думаю, мы, сошедшиеся в те годы, не переживали это подобным образом. То были девяностые, мы изучали философию и не делали ничего, что позволило бы нам хоть что-то накопить; скорее мы просто вместе тратили время. В этом было наше богатство. В этом было наше разорение и наше наслаждение.

И оттуда я вышла с одним или несколькими *дружескими союзами*. То были друзья-соратники или партизанские отряды друзей и подруг, с которыми мы прошли десятилетия, пережив на этом пути множество потерь и некоторое количество повторных встреч.

Что же такое союз друзей? Я попробовала дать свой ответ через повествование в моей книге «Город-принцесса» (*Ciudad Princesa*, 2018). Но должна признать: я не знаю этого до сих пор. Я могу выразить это в рассказе, но не могу аргументировать. Это связано со странным сплавом интимного и политического,

где интимное не равно частному, а политическое не сводится к партийной активности или коллективному действию. Это связано с чем-то вроде контробщества, которое осознает себя и организуется, не сходя на обочину.

Дружба не сообщество. И не идеальное общество. Безусловно, она является частью того и другого, но не ими самими. Поэтому в ней есть нечто ускользающее от рамок, определений и описания. Нельзя сказать, что ее невозможно выразить, но она содержит или предлагает тайну. В молодости я не решилась бы написать эту книгу — даже подумать о ней. Но возраст освобождает от уз, связанных со страхом быть или не быть. Фразу Гамлета мог произнести только молодой принц, столкнувшийся с тревогами дорог, не только расходящихся, но и вносящих раскол в жизнь, к которой он еще не успел прикоснуться.

Однако наступает момент, когда эта ставка — все или ничего — утрачивает двойственность и трагизм. Это может быть момент жизни или суть эпохи. Мне кажется, что сегодня в течении нашей жизни есть нечто расплывчатое, что требует от нас усилий — попытаться лучше видеть и думать. «Расплывчатое» может означать «запутанное», а путаница способна вести к замешательству или поискам руководящего авторитета. Но «расплывчатое» также и «размытое» — это свойство контуров, превращающихся в тени. Так бывает с образом, но также и с понятиями и логикой. Размытая, или нечеткая, логика оперирует оттенками и градациями истины, которые от этого не становятся менее истинными.

Перед дружескими отношениями сегодня не стоит гамлетовская дилемма быть или не быть — они колеблются между путаницей и размытостью. Либо друзья и подруги превращаются в несомненный и идеализированный ориентир, чуть ли не единственное спасение среди всего этого внешнего и личного хаоса; либо опыт дружбы размывается до такой степени, что уже не отличить «лайк» от друга. Либо мы преследуем ту подлинную, совершенную и истинную дружбу, которая, как мы увидим, пришла из классической традиции; либо теряемся в бесконечных социальных контактах, которым не умеем придать никакой иной ценности, кроме количественной.

Пока эти дилеммы обсуждают и изучают в медиа, академических кругах или психологических кабинетах, для нас остается незаметным то, что свое желание дружбы мы проживаем в обществах вражды [2]. Если политика основывается на различии друзей и врагов, то сегодня любое присутствие рассматривается и классифицируется как потенциально враждебное, то есть как присутствие чего-то или кого-то, способного поставить под угрозу наше существование. Эта опасность может быть интимной или планетарной. С одной стороны, она аффективная, личная и микрополитическая, с другой — организует смысл сосуществования с незнакомцами в мировом масштабе. Тогда эта путаница становится инструментом управления через страх и контроль. Дружеские и вражеские отношения находятся в центре этой системы власти.

ПРОЛОГ

* * *

Эта книга исходит из путаницы и намерена обна-
ружить силу чуждости. Путь этого открытия не лине-
ен. Он начинается с констатации: дружеские отноше-
ния — единственная устойчивая форма социального
взаимодействия, для которой мы не изобрели соб-
ственного института. Эта констатация содержит
вопрос: почему? У конечной точки, если заглянуть
в оглавление, есть ключевое слово: одиночество. Или
два: изобретение и одиночество. Также эта констата-
ция содержит вопрос: какова связь между исходной
и конечной точками? Между ними лежит гипотеза:
страсть чужих. С ее помощью можно мыслить дружбу.
Уже сейчас эту фигуру можно вообразить как ключе-
вую деталь картины, на которой мы увидим историю —
историю философии дружбы, ее слепых пятен и всего
того, что нам еще только предстоит помыслить на по-
лях письма, подарившего нам множество умолчаний.

* * *

Говорить о дружбе и легко, и трудно. Так же легко
и трудно знать, кто наши друзья. Легко и трудно их
терять. Легко и трудно найти их снова.

Барселона, лето 2024 года

Глава 1

СВЯЗЬ БЕЗ ЗАКОНА

Дружба — это аффективная связь, возникающая между теми, кто не соединен другими отношениями — семейными, трудовыми, соседскими, национальными или иного рода — и не подчиняется их конечным целям. Хотя она может присутствовать в каждой из этих сфер, ни одна из них не оправдывает и не мотивирует ее существование. Институты принадлежности не включают и не объясняют дружеских отношений, хотя могут быть ими обусловлены и даже нарушены. Почему мы с кем-то дружим? Что ведет нас к этому — помимо встречи, основанной на потребностях, целях или иных формах обмена?

Дружба — странное отношение. Настолько странное, что не породило ни собственного института, ни собственных законов. Негде пройти регистрацию или вступить в организацию, чтобы стать друзьями. Другам не надо подписывать какие-либо договоры. Дружба — единственная устойчивая форма социальных отношений, для которой мы не изобрели «бумаг». Как следствие, дружба — это связь, не оформляемая документально, но породившая множество текстов: письма, посвящения, поздравления, надгробные речи, рассказы, романы, фильмы, сообщения, социальные сети... Кроме того, она центральный мотив большой философской традиции, которая начинается с первых классических трактатов и, пережив подъемы и спады, продолжается до наших дней.

Широкий репертуар возможных дружб не имеет института и юридических обязательств, но обладает широчайшей нормативностью: обычаями, социальными нормами, способами здороваться и вести себя, кодами, системами ожиданий и так далее. То, как мы практикуем дружбу в конкретное время и в конкретном месте, много говорит о нас — о том, кто мы есть как индивиды, — но также и о том, каковы общества, в которых мы находимся. И одновременно то, как мы хотим переживать дружбу, может вступать в конфликт с общественными установками и ставить под вопрос не предусмотренные их кодами поведения.

Таким образом, дружба располагается на нечеткой границе между социальным и интимным, нормативным и мятежным, предсказуемым и необъяснимым, принятым и пугающим. У нее нет собственного института, но она может проявиться в любом другом: большая дружба может родиться внутри пары, друзьями могут быть родственники, а однокурсники или коллеги перерастают товарищеские отношения и становятся друзьями. И то же самое касается соседей, членов спортивной команды, экспатов или мигрантов и так далее. Ничто и никто не может ни предопределить, где именно возникнет дружба, ни вызвать ее. Загадка дружбы сосуществует с повседневностью, а ее появление может быть столь же утешительным, сколь и тревожным. То обстоятельство, например, что одноклассницы оказываются слишком близки или что дружба сплачивает связь работников, не всегда нравится соответствующим инстанциям власти. Дружба вводит собственную логику в отно-

ГЛАВА 1. СВЯЗЬ БЕЗ ЗАКОНА

шения принадлежности и вмешивается в их стратегии повиновения и подчинения. Поэтому у дружбы не только нет собственного института, но и значительная часть институциональных сред устроена так, чтобы дружбе не благоприятствовать или даже разрушать ее, подвергая всевозможным дисциплинарным мерам (разделение, соперничество и так далее) и подозрениям (в сексуальной связи, фаворитизме, даже коррупции...).

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Марина Гарсес

СЧАСТЬЕ БЫТЬ ДРУГОМ

О дружбе как о самом свободном и самом загадочном чувстве

Руководитель направления *И. Мажаева*

Ответственный редактор *А. Гусева*

Литературный редактор *Н. Гаспарян*

Дизайнер обложки *О. Бытко*

Технический редактор *М. Караматозян*

Корректоры *Е. Воронина, В. Алексина*

Верстка *М. Лезова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.09.2026.

Формат 84×108^{1/32}, Гарнитура «Filosofia».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 2000 экз. W-PBJ-41170-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» –
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:

<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+